

Кружок Уманского

Олег Шахматов, бывший военный летчик, способный музыкант и человек с авантюрной жилкой, был лет на шесть старше Иосифа. Они встретились случайно в 1957 году в редакции ленинградской молодежной газеты «Смена», куда и тот и другой пришли показать свои стихи. С детства питавший слабость к авиации Иосиф сошелся с Шахматовым довольно близко. Шахматов познакомил его с Александром Уманским¹¹⁸. Уманский был богато одаренным дилетантом – он сочинял фортепьянные сонаты и статьи об элементарных частицах, писал трактаты по политической философии, увлекался оккультными науками, серьезно занимался индуизмом и практиковал хатха-йогу. Судя по воспоминаниям знакомых, Уманский обладал значительной харизмой и вокруг него всегда был кружок молодежи, включавший тех, кому хотелось обсуждать «вечные вопросы» вне узких рамок официальной идеологии, художников и музыкантов нонконформистского толка. Эти молодые люди были студентами или работали на случайных работах, но главным содержанием их жизни было раздобывание в то время труднодоступных книг по восточной философии и эзотерическому знанию и разговоры по поводу прочитанного. Наркотиками в этой среде еще не баловались,

114 2 сентября 1960 г., автор – Ю. Иващенко.

115 См. www.memo.ro/mstorv/diss/ginzburg.htm.

116 В кн. *Волков 1998* Бродский говорит: «Первый раз меня взяли, когда вышел „Синтаксис“...» (С. 64). «Взяли» здесь следует понимать не как арест, а как первое столкновение с госбезопасностью – допрос, угрозы. Арестовывали и подвергали заключению Бродского в СССР дважды. Это подтверждает рукопись незаконченного стихотворения, которое начинается: «Поскольку вышло так, что оба раза / меня сажали, в общем, в январе...», – и далее: «Двух раз, конечно, мало для того, / чтоб в чем-то усмотреть закономерность. / А для тюрьмы их мало и подавно» (РНБ. Ед. хр. 63. Л. 97).

117 *Волков 1998*. С. 65.

118 Сведениями о кружке Уманского я главным образом обязан Г. И. Гинзбургу-Воскову. См. также *Шахматов 1997*.

но выпивали и в подпитии нередко устраивали всякие дерзкие проделки (Бродский никогда не употреблял наркотиков, а пил, по крайней мере по меркам своего ленинградского окружения, весьма умеренно).

Из членов этого сугубо неформального кружка Бродский на всю жизнь сдружился с Георгием Гинзбургом-Восковым, «Гариком». А вот Уманский недолюбливал Бродского, отказывая ему в поэтическом даровании. В те годы (1958–1961) Бродского притягивала к Уманскому возможность поговорить на метафизические темы, но к моменту ареста он уже относился к лидеру кружка критически, полагал, что чрезмерное увлечение Уманского индийской философией, в которой «слишком многое построено на отрицании», вырождается в бесплодный нигилизм и, по существу, безверие. Если в «Исааке и Аврааме» есть прямые следы уроков эзотерики, полученных в кружке Уманского¹¹⁹, то в более поздних произведениях шестидесятых годов встречаются резкие полемические выпады против того мистицизма, которым там увлекались:

...Дружба с бездной
представляет сугубо местный
интерес в наши дни. К тому же
это свойство несовместимо
с братством, равенством и, вестимо,
благородством невозместимо,
недопустимо в муже.

Иначе – верх возьмут телепаты,
буддисты, спириты, препараты,
фрейдисты, неврологи, психопаты.
Кайф, состояние эйфории,
диктовать нам будет свои законы.
Наркоманы прицепят себе погоны.
Шприц повесят вместо иконы
Спасителя и Святой Марии.

«Речь о пролитом молоке» (1967; КПЭ)

Есть мистика. Есть вера. Есть Господь.
Есть разница меж них. И есть единство.

«Два часа в резервуаре» (1965; ОВП)